

Прощай, Батуми!

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

А.С. Пушкин

Я любил приходить в этот порт, как в свой родной город.

Впервые я увидел Батуми до военного лихолетья. Там часто бывал в командировках мой отец, и на летние каникулы мать уезжала к нему, прихватив меня и сестренку. Отец жил на квартире у гречанки по имени Евтерпия. Интереснейшая семья, каких в Батуми, оказывается, было немало. Евтерпия была верующая католичка и исправно посещала церковь, а ее муж Самсон Пичхадзе носил кипу и посещал синагогу. Их двое детей — Жанна и Витя — вообще никакие моленные дома не посещали, но в доме все праздники двух религий исправно соблюдались. Еще Батуми мне очень напоминал Одессу своей многонациональной палитрой. Я многим обязан этому городу. И за то, что во время войны он приютил моих родителей, и что там я получил свое первое морское образование, что там я приобрел много прекрасных друзей и познакомился с удивительными людьми. Впервые я увидел Батуми, когда мне было 12 лет. Это было мое первое путешествие морем в город солнца, пальм и дождей. Горы овощей и фруктов на каждом углу, пряные запахи и незнакомая речь произвели на меня, мальчишку, огромное впечатление. Я быстро подружился с Жанной, моей однолеткой, и мы подолгу бродили по городу, где я осваивал улицу за улицей. Впервые я увидел цветущую магнолию и почувствовал ее колдующий запах. В Батуми нет ни одной улицы без магнолии. Жанна была прекрасным гидом и знатоком всех растений. Кроме всего, она прекрасно владела грузинским и греческим языками, была хорошо воспитана, не в пример мне.

За столом сидела прямо, красиво пользовалась ложкой и вилкой, никого не перебивала при разговоре и спрашивала разрешения встать из-за стола. Моя мать всегда незаметно толкала меня в бок и шипела: "Видишь? Учись!".

За столом перед едой Жанна закрывала ладошками лицо и что-то шептала. Евтерпия нигде не работала, но весь дом со всем хозяйством был на ней, и Жанна была первой помощницей. Когда мы утром возвращались с пляжа, нас ожидал на столе типичный грузинский завтрак — стакан мацони и горячий хачапури.

Самсон работал на "БэНэЗэ", как здесь сокращенно называли Батумский нефтезавод. Отец Евтерпии — Сергеев, русский дворянин, ранее владел несколькими домами отдыха в Кобулету — курортном пригороде Батуми, но после советизации Грузии дома отобрали, семья обнищала, и через несколько лет он умер. Вскоре умерла мать Евтерпии — красивая афинская гречанка. Обо всем этом мне рассказал мой отец, и о том, как Самсон влюбился в Евтерпию, как из-за нее покинул отчий дом. Самсон соответствовал своему античному тезке — был могучего телосложения, очень добрым, трудолюбивым и мастером на все руки. Своими руками построил добротный дом на несколько комнат вместо старой развалюхи. Отец познакомился и подружился с Самсоном на этом самом "БэНэЗэ". Каждый год, приезжая на летние каникулы в Батуми, я все более осваивался в этом чудесном городе, понемногу учился языку и не чувствовал себя чужаком. Особенно меня поражало обилие слова "салон" на вывесках — салон обуви, салон мебели, парикмахерский салон, салон модной одежды и другие многочисленные салоны, как салон цветов. Оказывается, под именем салон подразумевалось частное предприятие, артель. Уже повзрослев, я понял, что Грузия, как и страны Прибалтики, живут своей внутренней отдельной жизнью, и советские законы, идущие вразрез с многовековыми традициями и укладом, здесь попросту не работают. Вечерами в гости к чете Пичхадзе приходили знакомые, в основном, сверстники из старого общества отца Евтерпии. Однажды в дом пришел статный грузин в белой черкеске, с кинжалом в серебряном окладе и газырями. "Знакомьтесь, — сказала Евтерпия моим родителям, — князь Ираклий Асатиани". "Не Ираклий, а Иракли, с ударением на втором слоге (в грузинском языке буквы "Й" нет)", — сказал он с еле заметным акцентом. Я пропустил его титул мимо своих детских ушей — для меня что князь, что шах в те годы было все равно непонятно. С ним была очаровательная грузинка в национальной одежде и белой шелковой с кистями накидкой. "Это моя Русудана", — сказал князь, снимая с ее плеч расшитую бисером накидку. Самсон и Евтерпия накрыли в саду стол. Запах кофе перебил аромат магнолии. Уже будучи взрослым и повидав свет, такого вкусного густого ароматного кофе, как готовили в Батуми на горячем песке в специальных малюсеньких кофейниках — джезвах — я не пил нигде.

Утром, как обычно, мы бежали к морю. Купались всегда у старого разрушенного причала в центре набережной города. Когда-то, до революции, этот причал принадлежал местному яхт-клубу, который, как понятно, содержался имущими людьми. Но исчезли имущие люди со своими яхтами,

причал стал разрушаться, и когда я его увидел, это были отдельные торчавшие из воды ржавые металлические трубы. Когда построили набережную с пассажирским причалом, остатки старого так и остались как граница от грузового порта.

С этого причала мальчишки подплывали к борту пассажирских судов и ныряли за брошенными им монетами, складывая их за щекой. Жанна рассказала мне, что князь Асатиани богатый человек и большой меценат, имеет несколько ресторанов, а его жена Русудана — учительница грузинского языка и литературы, принадлежала к известному роду Чавчавадзе, на одной из женщин которого был женат Грибоедов. С детства князь был влюблен в Евтерпию, но она полюбила рыжего Самсона, сына состоятельного скотовода Пичхадзе. Братья Пичхадзе пользовались в Батуми всеобщим уважением за меценатство и внесли большие деньги на строительство оперного театра, но решение Самсона жениться на католичке встретили в штыки. Дело кончилось ссорой, и Самсон ушел к обедневшей Евтерпии. Тут им на помощь пришел Иракли. Так они и дружили. Все это я узнал частично от родителей, но большей частью от Жанны.

За год до войны я поступил в только что созданную одесскую военно-морскую спецшколу и вместо обычной поездки в Батуми у меня началась летняя практика.

Потом война. С потерей Крыма и Одессы флот перебазировался в Потти и Батуми.

В этот город я попал на несколько часов в декабре 1943 года, куда наш корабль зашел на пополнение водой и топливом. Был поздний дождливый вечер. У свай старого причала на якоре стоял дежурный корабль, перегородив вход в порт. Увидев меня, Евтерпия с грохотом выронила поднос с посудой. На шум выбежала моя мать и, охнув, присела на ступеньки. Я пробыл около часа. Моя сестренка мирно спала. Отец был на ночной смене, Жанна работала в госпитале. Самсон был где-то в десантной части. Через несколько часов, поморгав свои позывные дежурному кораблю, мы ушли на очередное задание. Следующее свидание с Батуми, длиною с полгода, состоялось в 1947 году. Я был направлен для сдачи экзаменов экстерном по программе мореходного училища, только что открытого на базе морского техникума. Поскольку экстернат предусматривал только морские дисциплины, мы — а нас было шестеро — были освобождены от многих общеобразовательных предметов. Учебный день для нас составлял 10-12 часов. Для отдыха и "проветривания мозгов" я посещал училищную библиотеку, где Русудана Давыдовна читала курс исто-

рии и литературы Грузии. Конечно, она меня не узнала. Ведь прошли годы, да и видела она меня всего лишь раз, мальчишкой. Лекции она читала увлекательно, как мастер художественного слова. От нее я узнал много интересного. Что из всех грузин самые настоящие — это картвелы, и поэтому грузинский язык по-грузински называется картули. Я научился грузинскому алфавиту и сумел читать все вывески. И еще я узнал, что в грузинском языке есть специфические гортанные звуки, по которым можно определить настоящего грузина. Этот звук нельзя написать по-русски — он звучит как "кхк", и между ними "гр". Есть специальная фраза. Русский перевод ее — "лягушка на воде кваквается (то есть квакает). По-грузински она звучит "бакхкакхкы цхалши кхкикхкинеп" — да простят меня грузины за мою транскрипцию. Даже этнические русские с многолетним проживанием в Грузии правильно произнести ее не могут. Как-то я напомнил Русудане Давыдовне о себе. "Так это вы? — произнесла она. — Никогда бы не узнала". Я спросил ее об Иракли. "Батон (господин) Иракли очень занят и много работает, — ответила прохладно она. — И пожалуйста, не распространяйтесь, что я замужем за князем". Конечно, я навистил Пичхадзе. Самсон лишился половины левой ноги, но лихо водил свой трехколесный инвалидный мотоцикл — "фаэтон", работал по-прежнему на "БэНэЗэ". Евтерпия очень постарела. Вообще, по моим наблюдениям, южные женщины быстро стареют. Жанна училась в Московском университете, а Витек готовился к поступлению в мореходное училище. Последний раз я видел их после выпускного вечера. После этого я не попадал в Батуми более пятнадцати лет.

Работая в Северном пароходстве, я изредка посещал Черное море, но это были Новороссийск, Одесса или Варна, но никак не Батуми. И только после возвращения в Черноморское пароходство я снова увидел Батуми. В летнее время многие пассажирские суда снимались с круизных заграничных рейсов для обслуживания Крымско-Кавказской линии. Билеты на эти круизы закупались централизованно профсоюзами и распределялись по всей стране. В эти рейсы приглашались для концертов лучшие эстрадные артисты. Обычно такие рейсы занимали неделю и были очень популярными. Изредка в Батуми был перестой — ночевка. И вот после длительной разлуки — первый заход. Солнце чуть-чуть вылезло из-за гор, и у подножия белой подковой открылся знакомый город. Только ошвартовались к блестящему от росы причалу, как от трапа позвонили — к вам капитан порта. На пороге каюты стоял Вахтанг Чхеидзе, бывший капитан танкера "Майкоп", а ныне капитан батумского порта.

Мы не виделись много лет. Когда-то он был у меня младшим помощником, и на его курчавую голову не налезала ни одна форменная фуражка. Сейчас Вахтанг был совершенно лысым. Где-то в Южной Атлантике он попал под радиоактивный дождь и прошелся с дозиметром по палубе, не доверяя приборам внутри рубки. Всем ничего, а он схватил дозу. Пришлось расстаться с морем. Теперь он был под наблюдением на химеотерапии и литре красного вина в день. А мне вспомнилась аналогичная история в той же Атлантике, когда у нас ночью завизжали от дозиметров сигналы тревоги, и мы, задрвав наглухо все двери и иллюминаторы, включили систему смыва, пока приборы не замолчали. И еще сутки смывали весь пароход, и на палубу не выходили. Тогда для меня все обошлось.

...— Пошли откушать грузинский завтрак, — сказал Вахтанг, предугадав мое давнее желание, — здесь рядом с моей конторой приличное кафе.

Ах, какой это был давно забытый вкусный завтрак — густое мацони и горячее хачапури с яйцом. Это мы сделали традицией. Домика Пичхадзе я не нашел — на этом месте стоял пятиэтажный дом, и их след я потерял. Каждый приход в Батуми меня встречал Вахтанг, и мы отправлялись завтракать по-грузински. Двухэтажный домик конторы капитана порта с сигнальной вышкой стоял в конце пассажирского пирса у самой воды рядом с торчащими остатками старого причала. Я спросил Вахтанга, почему не расчищают это место. "Дело в том, — ответил он, — что это очень дорогостоящие работы. Когда делали этот причал, изготовили бетонные десятитонные блоки и в них вмуровали арматуру, потом подготовили дно и уложили туда эти блоки. Надо бы срезать эти трубы и массивы поднять, — но это подводные работы. В общем, пока торчат и никого не беспокоят. Вообще, некрасиво и для мальчишек опасно, уже колючей проволокой ограждали, и все бесполезно. В следующий твой приход поедем в горы, в ресторан "Горный аул", тебе понравится, только оденься потеплее".

Следующий рейс выпал с ночевкой в Батуми. Старенький, выдавший виды "Москвич", петляя между гор в сторону турецкой границы, через час доставил нас в "Горный аул" на обрыве у реки Чорох. Грубо сколоченные столы из тесаных досок и такие же скамейки. На столах толстенные огромные свечи в чугунных плошках. Все столы отделены ширмами, но под одной общей крышей. Кувшины с вином стояли в огромной цементной ванне, через которую струилась горная холодная вода. На цепях висели огромные куски копченого мяса. Как поведал мне по дороге Вахтанг, это ресторан для "макушки" города — партийных боссов, крупных дельцов и влиятельных гостей. Все здесь "батано". Женщин тут не бы-

вает. Оркестр из нескольких национальных инструментов, двое певцов — они же и танцоры. Здесь я впервые увидел знаменитый танец "кинтоури". Вахтанг что-то шепнул стоявшему у входа мужчине в национальной аджарской одежде с башлыком, и нас провели к столу. "Сейчас придет хозяин, — сказал Вахтанг, — всех новых гостей он встречает сам". И вот к нам подходит постаревший, поседевший с лихо закрученными усами, в белой черкеске с кинжалом князь Иракли Асатиани. Он поздоровался, и не узнав меня, пожал мне руку. Я, обалдев, лишился слов. "Вам нехорошо? Вы первый раз в горах? — спросил князь. — Сейчас подадут холодное вино — и все пройдет". "Нет, мне очень хорошо, — ответил я, — ведь я вас знаю с детских лет". И я напомнил ему о нашей встрече. Теперь обалдел он. От него я узнал, что Евтерпия и Самсон ушли из жизни два года назад с разницей в одну неделю. Жанна живет где-то за границей, а Виктор на Дальнем Востоке. Наш ужин со многими витиеватыми тостами закончился грандиозной пьянкой. Денег, конечно, с нас не взяли. Поздно ночью я вернулся на пароход. Князь отвез нас лично на своей машине, только за рулем сидел аджарец.

В следующий приход в Батуми меня встречал Вахтанг с князем. Мы поехали на кладбище навестить могилу Пичхадзе. Памятник, который им поставил князь, меня поразил. Две половинки черного и белого мрамора, соединенных в единый прямоугольник. На белой половине позолоченный крест и имя, на черной половине звезда Давида и имя. А под этим на весь памятник одна фамилия — Пичхадзе. На обратном пути мы молча зашли в какой-то духан помянуть Евтерпию и Самсона. Когда мы вошли, все сидящие там встали — князя знали все. Я в шутку предложил на месте старого причала построить ресторан-"поплавок", наподобие сухумского. Но князь принял идею всерьез и сказал, что если Вахтанг договорится с портом, то построит. Через несколько рейсов я наблюдал, как слово превращается в дело. На открытии ресторана я не был, но, как рассказывал мне Вахтанг, была вся "макушка" бесплатно. Князь назвал его "Сазгвао" (по-грузински — "Морской"). Все тридцать четырехместных столиков были прибиты к палубе. Навес из оранжевого брезента надежно защищал от батумских дождей. Удобно расположенный, он быстро завоевал симпатии всех моряков, посещавших Батуми. Здесь можно было встретить и греков, и мексиканцев, и чопорных скандинавов. Какой-то шутник поставил у входа мачту от старой яхты, и на ней вместо флага развевалась протертая через рукава полосатая морская тельняшка.

Прошло несколько лет, я очень редко бывал в Батуми. Вахтанг уже не работал — у него быстро развивалась лейкемия. Но когда он меня встречал, мы по-прежнему шли традиционно завтракать. Князя я больше не видел. Однажды меня встретил Вахтанг и вместо завтрака молча повел в "Морской". На входе висела цепь с замком. У двери стоял стол, а над ним — портрет князя с черной лентой, на столе несколько кувшинов с вином, лепешки лаваша и нарезанные ломтики грузинского сыра сулугуни. "Помянем Ираклия, — сказал Вахтанг. — Батоно был настоящим человеком". Мы молча выпили. А еще через рейс не стало и Вахтанга.

Больше в Батуми я не попадал.

Пришла новая эпоха. Развалился Союз. Украина лишилась одного из крупнейших в мире Черноморского пароходства, исчезла знаменитая Крымско-Кавказская морская линия, связь с портами распалась. Откол Грузии опустошил кавказское побережье. Братская автономная Абхазия, пережив войну за независимость, разорилась, многие курорты разграблены и закрыты. Сухумские гостиницы зияют выбитыми окнами, разбита Пицунда. Знаменитый Новоафонский монастырь лишился купола, исчезли черные лебеди из монастырского пруда. Недавно я посетил Сочи. Порт пустует. Попасть в Батуми можно только через Тбилиси или Стамбул. Живописная железная дорога вдоль моря, соединявшая Сочи и Сухуми, заросла бурьяном, а у мыса Гантиади стоит военный грузинский корабль и охраняет опустевшее побережье Грузии. От кого?

Моя мечта вновь посетить Батуми осталось мечтой. Да и вряд ли уже исполнится.

Майями — Сочи — Майями

